

Военная форма как атрибут любого государственного вооруженного формирования и его национальной принадлежности в то же время являлась в Российской империи средством воспитания личности военнослужащего. Иркутские юнкера были одеты в общероссийскую форму одежды и с первого курса становились членами касты российских военных.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи: в 46 т. Т. 6. СПб., 1830. № 3890. С. 383.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. С. 167.
3. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Русский мир, 1996. С. 114.
4. Приказ по военному ведомству № 197 от 1901 г. // Приказы по военному ведомству за 1901 г. СПб., 1901.

5. Пояснительная записка закона об увеличении содержания, объявленного при приказе по военному ведомству № 1 от 1909 г. // Там же. За 1909 г. СПб., 1909.

6. Приказ по военному ведомству № 262 от 1901 г. // Там же. За 1901 г. СПб., 1901.

7. Приказ по военному ведомству № 532 от 1910 г. // Там же. За 1910 г. СПб., 1910.

8. Приказ по военному ведомству № 96 от 1901 г. // Там же. За 1901 г. СПб., 1901.

9. Приказ по военному ведомству № 742 от 1914 г. // Там же. За 1914 г. СПб., 1914

10. Приказ по военному ведомству № 793 от 1914 г. // Там же. За 1914 г. Пг., 1914.

11. Приказ по военному ведомству № 614 от 1916 г. // Там же. За 1916 г. Пг., 1916.

УДК 94(571.5)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ПРИАНГАРЬЕ В 1945-1953 гг.

С.В. Ковригина, канд. ист. наук
БрГУ, Братск

Научный интерес автора данной статьи направлен на исследование проблем сельского хозяйства региона в послевоенный период. Автор рассматривает специфику развития животноводства как в колхозах, так и в личных подворьях крестьян Приангарья.

Ключевые слова: Сибирь, Приангарье, крестьянство, сельское хозяйство, животноводство, послевоенный период, личное подворье, налоги.

В сельскохозяйственном производстве как в зеркале отражались особенности проводимых в стране реформ. Колхозная система с присущими ей высочайшими мобилизационными возможностями послужила основным источником модернизации государства, обеспечив создание наиболее современной на тот момент индустрии, способствовала победе в войне, а затем последующему восстановлению и хозяйственному подъему.

Исследование проблем экономического развития СССР в послевоенный период через призму региональной истории позволя-

ет увидеть все многообразие исторической реальности, выделить в понятии «колхозное производство» специфическое и, наконец, уникальное.

За годы войны в Приангарье во всех отраслях животноводства количество скота сократилось на 36 %, снизились его продуктивность и товарность [1]. Например, в Нижне-Илимском районе Иркутской области 1 ноября 1948 г. имелось 1105 голов скота, что соответствовало 44 % от довоенного уровня [2]. Отметим, что в районах Нижнего Приангарья общественное стадо за годы

войны снизилось меньше, чем в остальных районах Красноярского края. В экономике колхозов этой группы районов доход от животноводства превышал доход от растениеводства [3].

Зачастую деревне приходилось полагаться на сильно ослабевшее конное тягло. Это приводило к тому, что иногда в качестве тягловой силы использовалась упряжка общественных коров [4].

Наряду с этим обветшало большинство хозяйственных построек. Животноводство не было механизировано.

Сказывались нехватка кормов, преобладание тяжелого физического труда на фермах, низкие заготовительные цены, не возмещавшие затрат на производство [5].

В августе 1947 года в Иркутске прошла конференция АН СССР по изучению производительных сил области, на которой была поставлена задача интенсификации сельского хозяйства. Итоговые директивные показатели роста были установлены на достаточно высоком уровне, превосходящем довоенный.

Так, в области животноводства планировалось увеличить поголовье крупного рогатого скота на 48 %, лошадей – на 47 %, свиней – в три раза [6]. Намечались повышение продуктивности скота, рост поголовья, строительство животноводческих помещений, увеличение заготовки кормов.

Отметим, что плановые задания, как правило, были очень высокими, зачастую невыполнимыми. Отрасль на протяжении всего периода испытывала огромные трудности. Так, структура колхозного стада крупного рогатого скота была некачественной. Несмотря на поставки в колхозы Приангарья породных животных, их количество было явно недостаточным для поддержания качественного общественного стада. Сказывалось плохое обеспечение кормами. По причине слабой механизации труда большинство работ выполнялось вручную. В 1948 г. в Иркутской области вручную убрали 38 % сенокосов, доля МТС составляла 0,2 % [7].

Тяжелое положение складывалось и с пастбищными угодьями (лесными и суходольными), в связи с чем колхозное стадо перевозили на выпас на острова, которых было много на Ангаре. Летом, с появлением мош-

ки, в деревнях Приангарья практиковался ночной выпас скота [8]. Однако это не решало проблему, и ежегодно в весеннюю бескормицу падеж скота увеличивался.

Колхозы испытывали большие затруднения и с содержанием животных. Так, на суд общественности Кежемского района было вынесено состояние зимовки скота в колхозе «Красный пахарь». В газетной публикации указывались факты вопиющей бесхозяйственности членов сельхозартели: «Крупный рогатый скот – коровы – стоят в темных дворах с одним маленьким обмерзлым, заложённым соломой окном. Со стен и потолков течет вода. Потолки и двери не утеплены. Такая же картина и в свинарнике: пол покрыт льдом, темнота, окна промерзли. А в курятник невозможно зайти – скопившийся помет создает невыносимый запах» [9].

Скудный рацион кормления, непригодность помещений приводили к тому, что часть общественного скота вынужденно содержалась во дворах колхозников. Это неизбежно приводило к расхищению. В Тулунском районе Иркутской области, в колхозе им. Парижской коммуны к 1946 году «все лучшие коровы с молочно-товарной фермы были обменены колхозникам и даже единоличникам. Колхозный инвентарь и сбруя в большинстве своем были растащены по домам колхозников. Лучшие сенокосные угодья выкашивались колхозниками для личных нужд» [10]. Указывалось, что на фермах доярки для сокрытия фактов хищения молока разбавляли его водой [11]. Заметим, что подобные хищения происходили в основном в достаточно крепких хозяйствах, там, где было что взять. Основная же масса приангарских деревень зажиточными не являлась.

На подавляющем большинстве животноводческих ферм ангарских колхозов дойка, уборка навоза, приготовление и подвозка кормов делались вручную, отнимая много сил и времени. В 1953 г. в Восточной Сибири было электрифицировано лишь 18,3 % колхозов, причем, применяли электроэнергию для производственных целей только 10 % от общего числа [12].

На протяжении всего исследуемого периода сферами приложения труда крестьянок в аграрном производстве были, прежде всего, животноводство и растениеводство.

Именно в этих отраслях наиболее ярко проявлялся принцип разделения труда между женщинами и мужчинами: ручной труд считался женским, а механизированный – мужским. Самой «феминизированной» отраслью хозяйства на селе было животноводство. Начиная с 1930 г., более 90 % рабочего персонала ферм составляли женщины [13]. Технология этой отрасли требовала постоянного присутствия на рабочем месте, и в списке колхозных работ она являлась одной из самых трудоемких [14].

О тяжелом труде доярки вспоминает А.В. Московских, жительница деревни Московской Братского района: «У нас ферма была богатая. После войны пригнали из Тулуна племенных коров. И надо было за ними следить. Дети меня почти не видели. Надоедало все, уставали, все вручную делали» [15].

В итоге намеченные высокие показатели по животноводческой отрасли в регионе не были достигнуты. Следует отметить, что в целом к 1953 г. в СССР скота имелось меньше, чем в 1916-м, а население, которое нужно было кормить, возросло с тех пор на 30-40 млн. человек [16]. Довоенный уровень отрасли еще не был достигнут.

В личных подсобных хозяйствах приангарских колхозников животноводство играло ключевую роль. Основой крестьянского подворья являлось наличие скота. В хозяйстве каждого колхозного двора позволялось иметь, за редким исключением, не более одной коровы, одной свиноматки с приплодом, до 10 овец или коз и неограниченное количество птицы и кроликов. Рабочий скот, например, лошади, в личном владении не предусматривался. Считалось, что личный земельный участок имеет подсобное значение, однако при мизерной оплате трудодня он превращался в реального кормильца крестьянской семьи [17].

В каждом крестьянском дворе Приангарья держали, как правило, одну корову, однако среди колхозников имелись и бескоровные хозяйства. Так, в 1949 году в трех районах Нижнего Приангарья из 3782 личных дворов без всякого скота было 18 %, бескоровных – 27 % [18]. По данным книг похозяйственного учета, в Кежемском районе в 1949 г. только 49 % крестьянских хозяйств держали овец [19].

Каждый колхозный двор был обязан выплачивать натуральный налог, так называемые «государственные поставки», причем, независимо от поголовья скота в личной собственности. По выражению Д.В. Сметанина и А.Ф. Милохина, «колхозник был обязан уплачивать натуральный налог даже с того, чем он не владел» [20]. Величина этих поставок неоднократно возрастала. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 марта 1946 г. среднегодовые нормы поставки молока устанавливались в размере до 260 л с каждой коровы. С 1949 г. на 50 % повышалась норма сдачи шерсти овец. В послевоенные годы каждое личное подсобное хозяйство, в зависимости от климатической зоны, было обязано сдавать 40-60 кг мяса, 60-110 л молока, 80-100 шт. яиц [21], 200-1100 г. шерсти с каждой овцы, картофеля от 2 до 20 ц с га, шкуры овец и коз – 0,5-2 шт. В обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота.

В районах Верхнего и Среднего Приангарья госпоставки составляли от 180 до 210 литров молока, в Нижнем Приангарье, которое территориально относилось к Красноярскому краю, нормы поставок были значительно выше – от 200 до 240 литров [22]. При этом должна была соблюдаться установленная норма жирности. Если она падала ниже 3 %, план поставок молока добавлялся [23]. Как вспоминают жители Приангарья, «работали за палочку – трудодень. А за трудодень мы ничего не получали. А ведь платили, есть ли у тебя овцы или нет, шерсть, государству сдавали яички, молоко. Если поросенка держишь, зарежешь его, надо ободрать шкуру, сдавали, это все сдавали. А себе что доставалось? Да считай что ничего. Однако жили...» [24].

В 1952 г. была введена надбавка, 7 % к облагаемому доходу на не учитываемые ранее доходы от молодняка и домашней птицы. С 1939 по 1953 гг. доходы крестьянского хозяйства рассчитывались финансовыми органами, исходя из идеальных условий, без учета состояния многих хозяйств. Эти нормы могли в несколько раз превышать фактический доход. Из общей суммы сельхозналога 50 % падало на доходы от скота [25]. Таким образом, неудивительно, что по региону к 1950 г. резко сократилось число коров. Поголовье

крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах колхозников составляло лишь 71 % к довоенному уровню 1940 года, свиней – 21 % и овец – 52,7 % [26].

В течение всего исследуемого периода колхозники весьма активно утаивали свой личный скот от государственного учета, с тем чтобы сократить налогооблагаемую базу. Примечателен факт сокрытия скота даже от статистического исследования: «в течение полугодия имел место недоучет скота и птицы, особенно в первые месяцы бюджетного обследования. Недоверчиво относясь к статистам по бюджетам, колхозники несознательно укрывали скот и птицу на заимках и прокорме в чужих хозяйствах» [27]. «У нас, как на грех, вчера родился теленочек, ну тут мы, конечно, все бегали, смотрели, любовались, – вспоминает Н.В. Дубровин из д. Падун. – А наутро я сплю, все ушли, бабушка дома, пришел этот переписчик и записывает, она ему говорит, он записывает. Я, значит, слышу, бабушка все перечислила, кроме теленочка. А я, значит, глазами так хлоп-хлоп, но молчу. Потом, когда этот переписчик ушел, я так потихоньку бабушке: «Баба, а мы теленочка-то не записали!». А бабушка: «Ой, ты мой ребеночек, ты мог меня и подвести, да промолчал». Вот так нас учили уму-разуму» [28].

Однако высокие ставки сельхозналога, отсутствие времени, а зачастую и возможности для заготовки кормов, делали невыгодным содержание большого количества домашнего скота, так как до середины 1960-х годов личное хозяйство и личные нужды колхозников почти не брались в расчет. Например, для содержания домашнего скота крестьяне особое значение придавали сенокосу, пожалуй, единственной работе на колхозной земле, производимой и для себя. Так для того, чтобы накормить корову, семья должна была изыскать время и найти место, где бы можно было накопить сено, и это все нужно было сделать не в ущерб работе в колхозе. Поэтому часто косили для себя ночью, а утром бежали на колхозное поле.

Таким образом, личное подсобное хозяйство колхозников во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов было объектом двух противоречивых тенденций. С одной сторо-

ны, денежный налог вынуждал крестьян максимально сокращать поголовье своего скота, структуру и размер посевов, с другой – полностью отказаться от ведения индивидуального хозяйства мешали натуральный налог и угроза голода. В 1950 году колхозная семья получала из подсобного хозяйства 7,4 % зерна, 88,4 % картофеля, 85,3 % мяса, 95,6 % яиц, 97,7 % молока, 45,3 % общей суммы денег. В личной собственности в 1951 году находилось 32 % всего поголовья крупного рогатого скота [29]. В целом по СССР к 1952 г. на приусадебных участках, занимавших 1-2 % земель, производились «едва ли не половина овощей, больше 2/3 мяса, молока и картофеля и около 9/10 яиц» [30].

Таким образом, в развитии животноводческой отрасли Приангарья в 1945-1953 гг. произошли значительные изменения, носившие весьма противоречивый характер. Довоенный уровень экономического состояния животноводческой отрасли восстановить не удалось.

Следствием указанных процессов являлось отсутствие профессиональной дифференциации работников аграрной сферы, что во многом консервировало традиционные формы трудовой деятельности деревенских жителей, не рождая стимула к их модернизации.

Природно-географические условия Восточной Сибири – отсутствие достаточной кормовой базы, тракторонепригодные земли, тяжелые климатические условия для содержания скота наложили отпечаток на размещение и хозяйственную деятельность в животноводстве ангарских колхозов.

Что касается подсобного хозяйства колхозников, то следует отметить, что в рассматриваемый период, в силу замкнутости региона, особенно районов Среднего и Нижнего Приангарья, оно сохраняло, в основном, натуральный характер, и его товарность не была высокой.

Также отметим, что государственное значение животноводства в крестьянских личных подсобных хозяйствах было достаточно высоким и играло значительную роль в объеме заготовок для обязательных поставок колхозников.

Литература

1. О работе обкомов партии Урала, Сибири и Дальнего Востока и о состоянии дел в областях. Отчеты, докладные записки, справки и письма Красноярского, Тувинского, Тюменского и Чкаловского обкомов, информатора управления КПК при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю и Чкаловской области и др. Декабрь 1946 — май 1948 г. // РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). Ф. 17. Оп. 122. Д. 206. Л. 202.
2. Докладные записки, отчеты, информации секретаря РК ВКП(б) по проведению отчетно-выборных собраний в партийных организациях, выборам народных судей, сельскому хозяйству и организационно-хозяйственному укреплению колхозов // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.). Ф. 210. Оп. 13. Д. 33. Л. 30,31.
3. Отчеты, докладные записки, справки и письма Красноярского, Тувинского, Тюменского и Чкаловского обкомов, информатора управления КПК при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю и Чкаловской области и др. О работе обкомов партии Урала, Сибири и Дальнего Востока и о состоянии дел в областях. Декабрь 1946 — май 1948 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 122. Д. 206. Л. 201.
4. Занданова Л.В. Иркутская деревня в послевоенные годы: сельское хозяйство и население // Тез. докл. и выступлений на межвуз. конф., посв. 50-летию Победы над фашистской Германией. Иркутск, 1995. С. 57.
5. Там же. С. 272.
6. Там же. С. 58.
7. Кожевникова Л.М. Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1990. 111 с.
8. Петрушин Ю.А. Земля кундуйская. Исторический очерк. Иркутск: Отгиск, 2006. С. 136.
9. Зимовка скота в районе // Колхозник. 1951. 21 янв.
10. Протокол № 347 заседания бюро Иркутского обкома ВКП(б). 25.12.1945 // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 253. Л. 15.
11. Стенограмма совещания секретарей комсомольских организаций колхозов, совхозов, МТС 30 июня 1951 г. // Там же. Ф. 185. Оп. 9. Д. 308. Л. 120.
12. Косых А.П. Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенный период (1946-1953 гг.) // Уч. Зап. 1967. Вып. 30. С. 84.; Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917-1970) / под ред. В.П. Данилова и др. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. С. 94.
13. Безнин М.А., Димони Т.М. Женщины русских селений: трудовые будни // Отечественная история. 2004. № 4. С. 195.
14. Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 30-60-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 100.
15. Ковригина С.В. [Интервью с А.В. Московских] // Арх. науч.-исслед. лаб. Брат. гос. ун-та. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.
16. Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917-1991. М.: Вагриус, 1994. С. 308-309.
17. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 3-4.
18. Группировка наличных дворов колхозников по обеспеченности скотом в сельской местности края на 1 января 1949 г. // Подсчитано по: Арх. агентство администрации Красноярского края Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 1514. Л. 8, 23, 40.
19. Соновецкий сельский совет депутатов трудящихся Кежемского района // Подсчитано по: Арх. отдел Кежемской районной администрации Красноярского края Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 6. Л. 1-93; Д. 8. Л. 1-74.
20. Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946-1958: соц.-экон. аспекты развития. М.: Наука, 2005. С. 100.
21. Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 30-60-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 103.
22. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940-1950 гг.): науч. изд. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 126.
23. Ю.А. Земля кундуйская. Исторический очерк. Иркутск: Отгиск. 2006. С. 137.
24. [Интервью с Т.Е. Михалевой] // Арх. науч.-исслед. лаб. Брат. гос. ун-та. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
25. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вто-

рая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 103.

26. Кожевникова Л.М. Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири): дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 1990. 249 с.

27. Областные итоги разработки бюджетов колхозников (относительные данные) //

ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.) Ф.р-2679. Оп. 14. Д. 16. Л. 94.

28. Ковригина С.В. [Интервью с Н.В. Дубровиным] // Арх. науч.-исслед. лаб. Брат. гос. ун-та. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2.

29. Сельское хозяйство СССР // Стат. сб. М., 1971. С. 246-249.

30. Хоскинг Дж. История Советского Союза за 1917-1991. М.: Вагриус, 1994. С. 309.

УДК 934 (470-571.53)

ЖЕНСОВЕТЫ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ЖЕНЩИН ПРИАНГАРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Л.А. Шевченко, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

Рассматриваются вопросы создания и функционирования женских советов на территории Иркутской области в 50-е гг. XX в. Раскрываются формы и методы работы организаций, прослеживаются направления деятельности, отмечаются особенности взаимодействия с органами власти и общественными формированиями региона.

Ключевые слова: женсоветы, региональное женское движение, женские инициативы.

В совокупности многих женских организаций, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения интересов различных социальных слоев женщин, особое место занимают женсоветы.

Первые женские советы начали создаваться на территории Приангарья в конце 1950-х гг. по инициативе самих женщин. Толчком к их появлению послужил процесс индустриализации региона. Одним из первых начал свою деятельность женсовет Братска, созданный в 1959 г. группой домохозяек для помощи мужьям и братьям, работающим на строительстве ГЭС [1]. Весной 1960 г. при поддержке партийной, профсоюзной организаций и администрации предприятия начал свою деятельность женсовет Тулунского леспромхоза [2]. В том же 1960 г. начали активно создаваться женсоветы на предприятиях и в учреждениях Ангарска, Черемховского, Киренского, Тайшетского районов [3].

11-13 июня 1961 г. в Иркутском театре музыкальной комедии состоялся первый обла-

стной съезд женщин, который открыл секретарь обкома КПСС С.Н. Щетинин. На съезде присутствовали делегации женщин от Красноярского края, Кемеровской и Читинской областей, Бурятской АССР. Выступили почетные гости – женделегатки 1920-х гг., большевички-партизанки А. Баженова и Г. Полякова [4].

В 1962 г. в Иркутской области было зарегистрировано 353 женсовета, объединяющих 2762 чел. 17 апреля 1963 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение «О развитии общественных начал в деятельности районных, сельских и городских Советов». От руководителей данных структур в документе требовалось уделять серьезное внимание деятельности этих формирований [5].

В конце 1960-х гг. началось взаимодействие женских организаций региона с профсоюзными органами. 25 января 1968 г. президиум областного совета профсоюзов принял постановление «Об усилении работы среди женщин». С этой целью в 1971 г. при